

Н.Н. Берберова

Именно так охарактеризовала первую волну русской литературной эмиграции Нина Николаевна Берберова. Она была одной из того круга писателей, поэтов, философов, которые не просто оставили след, но стали частью западной культуры XX века, сохранившие веру и любовь к своему Отечеству – России.

Как же ошибся «провидец зари коммунизма» товарищ Ленин, когда погрузил на пароход весь цвет русской интеллигенции в 1922 году и принудительно отправил его за кордон, а людей в эмиграцию, думая, что избавляется навсегда от умных противников «великой революции». Они, эти люди живут в нашей благодарной памяти, как истинные сыны и дочери Великой России, помогая нам и сейчас пережить трудное время смуты нашей Родины, пытающейся подняться с колен, после падения в пропасть с приходом дикого капитализма в 90-е годы прошлого столетия.

Неотменяемое место в истории русской словесности Нина Берберова заняла рано и неожиданно. 22 июня 1922 года она вместе с Владиславом Ходасевичем покинула большевистскую Россию. Двумя месяцами прежде Ходасевич сказал ей, что «перед ним две задачи: быть вместе и уцелеть». Двадцатилетняя девчонка поняла и поверила. «Если бы мы не встретились и не решили

тогда «быть вместе» и «уцелеть», он несомненно остался бы в России – нет никакой, даже самой малой вероятности, чтобы он легально выехал за границу один. Сделав свой выбор за себя и за меня, он сделал так, что мы оказались вместе и уцелели, то есть уцелели от террора тридцатых годов, в котором почти наверняка погибли бы оба. Мой выбор был он, и моё решение было идти за ним. Можно сказать теперь, что мы спасли друг друга». (Из автобиографии Нины Николаевны).

Совсем ещё юная, она спасла великого поэта, и то, что сама, похоже, не вполне понимала, с кем связывает свою судьбу, придаёт её выбору подлинное величие. Ходасевич понимал больше – ещё до отъезда угадывал не только свою обречённость энергичной красавице, но и ее «отдельность», предугадывал в ней блестящее будущее.

И он не ошибся. С годами прожитых лет вдалеке от Родины, Нина Николаевна высказывала поразительно верные суждения о Европе 1920–30-х годов. Бездарности политиков и склонности «культурных людей» к увлечению всякого рода новизной, уживаются у Берберовой со страстным желанием соответствовать «духу времени». Потому ей казались «старомодными» не только Горький, Бунин, Зайцев или Мережковский, но и сам Ходасевич. Поэтому позже, храня верность его памяти, занимаясь посмертными изданиями, Берберова долго не могла поверить, что её ушедший спутник – великий поэт.

Писательское самоутверждение Берберовой растёт отсюда же – надо быть «современной». Но что «современного» в её правильных стихах и рассказах? И каково новаторство документальных книг? Велик ли «прорыв» в её новаторстве? Сама Берберова трезво судила о своем писательстве.

Парадокс в том, что, не раз заявляя о своей нелюбви к пережёвыванию прошлого («Кому нужны мертвецы? Только мертвецам.»), она написала мемуары «Курсив мой». И здесь, постоянно себе противореча, раздавая резкие приговоры, чередуя самопознание с самоумалением, оказалась современной – без всяких кавычек. И по-настоящему человеческой.

«Курсив мой», конечно, её, Берберовой, но именно в этой книге видно, что почерк автора «поставлен» Ходасевичем. И не только там, где рассказывается о самом поэте (хотя история его смерти в парижском госпитале кажется «конспектом» ненаписанных, «по-смертных», стихов Ходасевича) или где автор вынужденно следует по тропинкам «Некрополя» (фрагменты о Горьком или Белом). Весь «Курсив мой» написан не «в тени», но «при свете» Ходасевича – его трезвости, его беспощадности к себе, его скрытой нежности и умении быть благодарным. И того отчаяния, что одолевалось поэзией... (...)

История моей долгой жизни имеет, в моём сознании, начало, середину и конец. В процессе рассказа будет ясно, в чём я вижу смысл этой жизни (и может быть смысл всякой жизни) и где путь к тому смыслу или хотя бы где-то направление, где этот путь лежит. Я буду говорить о познании себя, об освобождении себя, о раскрытии себя, о зрелости, дающей право на это раскрытие, об одиночестве в муравьиной куче, которое для меня всегда было чем-то более соблазнительным и плодотворным, чем одиночество в гнезде.

Из трёх возможностей: жить для будущей жизни, жить для будущих поколений и жить для сегодняшнего дня, я очень рано выбрала третью, "свирепейшую имманенцию", по выражению Герцена. Это одна из тех установок, которая пришла ко мне вовремя. (...)

Автобиография – рассказ о себе, воспоминания – рассказ о других. Впрочем, случается, что и воспоминания косвенно больше говорят о самом авторе, чем о людях, о которых он вспоминает.

Моя задача написать о жизни осмысленно, не ставя смысла впереди жизни, будто ценишь его превыше всего, но и не ставя его позади жизни так, чтобы сквозь жизнь просвечивал её смысл. Я хочу писать, осмысляя то, что было (и самое себя), то есть, давая факты и размышления о них. В этом двойном раскрытии мне представляется пережитое.

Кажется, мысль о познании себя всегда жила, во мне только иногда, например, между двадцатью и тридцатью годами, она дремала и только смутно сосуществовала со мной, а иногда, в раннем детстве и после пятидесяти лет, она ярко и, требовательно руководила мной. Во всяком случае, пребывая со мной постоянно, она была ярче и требовательней в детстве, чем в молодости, и всего сильнее и неотступнее живёт со мной сейчас.

У каждого человека есть тайны. Но некоторые люди несут их сквозь жизнь, как тяжесть, а другие дорожат ими, берегут их,

считают их не омертвелым грузом, но живой силой, которая живёт и развивается и даёт жизнь вокруг себя, той силой, из которой, собственно, до последней минуты существования произрастает личность. Через эти тайны прошлое во мне соединяется с настоящим. (...) Смотри на себя, я вижу, что мне, как говорится, всё шло впрок, и если расплата за это иногда бывала непомерной, так ведь это была расплата за жизнь. И у меня было постоянное сознание, что за жизнь не может быть и, нет непомерной расплаты, что бояться переплатить – значит внутренне умереть». *(Так проникновенно никто никогда не писал!)*

Если вдуматься, «Курсив мой» – единственная великая книга Берберовой, написанная великолепно об этом великом чувстве любви к жизни, людям, окружению писательницы.

Нина Берберова была яркой представительницей своеобразного интеллектуального анклава России на западе. Её главные книги “Курсив мой”, “Железная женщина”, “Люди и ложи” сегодня продаются по самым высоким ценам и не залёживаются в магазинах. Это пусть рыночный, но объективный показатель востребованности имени и качества книг. Собственно говоря, из первой эмиграции сегодня помнят три главных женских имени: Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус и Нина Берберова. Говорят, любой человек и события интересны большинству современников не более ста лет. Нине Берберовой уже сто. Ещё не поздно вспомнить этого незаурядного человека.

По поводу её столетия в Петербурге состоялась конференция, выставка и премьера спектакля в театре Ленсовета по пьесе Берберовой “Маленькая девочка”. Говорят, что она – “железная женщина”, не меньше, чем Мура Будберг, героиня её книги. Она прожила 92 года. Почти век. Жизнь придала ей ускорение, и она многое успела.

Нина Берберова рано начала писать стихи, мечтала их опубликовать и стремилась попасть в общество поэтов. Она преклонялась перед поэзией Блока и оказалась первой, кто пришёл поклониться ему в день смерти. Много позже она написала книгу, посвящённую его жизни. Послереволюционная жизнь в Петербурге, судя по мемуарам современников, была полной фантазмагорией. Творческая интеллигенция, чтобы физически выжить, сбилась в единый отряд и жила в общежитиях Дома Литераторов и Дома Искусств. Нина Берберова пришла в Дом Искусств на Мойку, 56, чтобы вступить в Союз поэтов, председателем которого был Николай Гумилёв. Он же руководил студией молодых поэтов “Звучащая раковина”. Юная

Берберова, несмотря на голодное время, сверкала красотой. Гумилёва арестовали ночью, когда он вернулся после прогулки с ней. Как известно, Николай Гумилёв был расстрелян в составе заговорщиков, известных как «Группа Таганцева».

В Доме Литераторов Нина Берберова познакомилась со многими отечественными писателями, артистами, философами. О многих из них написано в её мемуарном романе “Курсив мой”. Но главной встречей стал Владислав Ходасевич. Именно с ним она связала свою судьбу на несколько десятилетий.

“Ходасевич был совершенно другой породы, даже его русский язык был иным. Кормилица Елена Кузьмина недаром выкормила этого полуполяка. С первой минуты он производил впечатление человека нашего времени, отчасти даже раненного нашим временем. И, может быть, насмерть. ... Фигура Ходасевича появилась передо мной на фоне всего этого, как бы целиком вписанная в холод и мрак грядущих дней...”

Берберова и Ходасевич² поженились и в 1922 году эмигрировали из России. В эмиграции сначала был Берлин. Именно там начала формироваться русская эмиграция, и Берберова встретила петербургских и новых знакомых. Здесь были Андрей Белый, молодой Набоков, Эренбург, Цветаева, Шкловский и многие другие. Но Ходасевич был близко знаком с Горьким, и молодая семья вскоре переезжает к нему, сначала в Хернгсдорф в Германии, затем в Сорренто в Италии. Жить под крышей Горького в эмиграции было гораздо проще. Его книги печатали на западе, и деньги, пусть небольшие, для содержания своего “двора” имелись. Такое тесное общение с полупролетарским, а затем с откровенно пролетарским писателем, другом Ленина и Троцкого, ставит под сомнение ненависть Берберовой к большевикам и новой российской власти, которые она постулирует в своих книгах и статьях. Глядя с определённого исторического расстояния, мы можем говорить, как теперь принято, о двойных стандартах. Конечно, голод – не тётка, но представить рядом с Горьким Мережковского и Гиппиус, к примеру, абсолютно невозможно. Конечно, “не судите – и не судимы будете”. Но Нина Берберова всегда судила близких и дальних, и судила довольно резко.

² Берберова и Ходасевич не были женаты ни в России, ни в эмиграции. В 1922 году, когда Ходасевич с Берберовой, уезжали за границу «в командировку», он был женат второй раз на Анне Чулковой, которой он сказал, что вернётся из командировки в Москву через неделю. В «Курсиве...» Берберова пишет, что она уезжала «женой» (в кавычках) Ходасевича. *Прим. ред.*

Именно в доме Горького Берберова познакомилась с баронессой Будберг, которая станет героиней её будущего романа “Железная женщина”. Видимо, Нина Берберова кое-чему научилась у “железной женщины”. Во всяком случае, наблюдала её очень пристально и описывала без смягчающих формулировок. “Мы все были обмануты Мурой. Она лгала, конечно, не как обыкновенная мифоманка или полоумная дурочка. Она лгала обдуманно, умно, в высшем свете Лондона её считали умнейшей женщиной своего времени. Но ничего не давалось ей само собой, без усилий, благодаря слепой удаче. Чтобы выжить, ей надо было быть зоркой, ловкой, смелой, и с самого начала окружить себя легендой». Мура Будберг выжила в Советской России, во многом благодаря Горькому. Ещё в Петрограде она осталась жить в его квартире на Кронверском проспекте, стала близка с ним и пользовалась его покровительством в эмиграции более десяти лет. Берберова проследживает все извивы её биографии очень подробно и придиричиво.

Вполне нелюбезно выглядят под её пером и собратья по французской эмиграции. Например, жену Бунина она характеризует как “исключительно неумная женщина”. Да и самого Бунина не очень жалует. “Характер у него был тяжёлый, домашний деспотизм он переносил и в литературу. Он был груб с женой, бессловесной и очень глупой (не средне глупой, но исключительно глупой) женщиной. Он был груб со знакомыми и незнакомыми, и ему нравилось вдруг после грубости отвесить старинный поклон.... Трудно общаться с человеком, когда слишком есть много запрещённых тем, которых нельзя касаться. С Буниным нельзя было говорить о символистах, о его собственных стихах, о русской политике, о смерти, о современном искусстве, о романах Набокова...” (“Курсив мой”).

В парижскую эмиграцию Берберова и Ходасевич влились в 1925 году. Жили они так же тяжело, как и остальная русская эмиграция. Но всё же на существование зарабатывали литературным трудом, хотя начинала Нина Берберова в роли машинистки. Постепенно стала писать сама. Вплоть до Второй мировой войны она печаталась во всех эмигрантских изданиях. Три её романа и пять повестей были опубликованы в журнале “Современные записки”, цикл рассказов “Биянкурские праздники” – в ежедневной парижской газете “Последние новости”. С этой газетой она сотрудничала пятнадцать лет, включая военные годы. Здесь она публиковала статьи, в которых приветствовала наступление немецких войск на СССР. Она полагала, что победа и власть немцев будет всё же лучше для России, чем советская власть. Эту крайнюю позицию ей многие не

прощали тогда, да и сейчас ставят в вину. Но она говорила: “Иметь врагов полезно, полирует кровь”. Врагов и недоброжелателей у неё было достаточно. Менее всего ей хотелось быть “халвой с сахаром”. Ирония и язвительность были не только формой защиты от жизненных трудностей, но атакующим оружием.

Владислав Ходасевич умер в 1939 году. И формально Берберова стала свободной, хотя расстались они ещё раньше.

Знакомство с Александром Керенским и Александром Коноваловым позволило ей кое-что узнать о роли русских масонов в судьбе революции в России. В дальнейшем Берберова тщательно исследовала эту тему и написала книгу «Люди и ложи», имевшую большой успех.

В заслугу Нине Берберовой ставят открытие и продвижение Владимира Набокова. Она и сама так считала, потому что действительно оценила писателя одной из первых. В 1929 году в “Современных записках” появились первые главы “Защиты Лужина”, и Берберова пишет в своих воспоминаниях: “Я села читать эти главы, прочла два раза. Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной, огромный русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Всё мое поколение было оправдано”. Открыв для себя Набокова и оценив силу его дарования, Нина Берберова пристально следила за всеми его книгами и написала много литературных статей, ему посвящённых.

«Я стою “на пыльном перекрёстке” и смотрю на “его царский поезд” с благодарностью и с сознанием, что моё поколение (а значит, и я сама) будем жить в нём, не пропало, не растворилось между Биянкурским кладбищем, Шанхаем, Нью-Йорком, Прагой. Мы все, всей нашей тяжестью, удачники (если таковые есть) и неудачники (целая дюжина), висим на нём. Жив Набоков, значит, жива и я!»

В 1950 году Нина Берберова переехала в США. Там она интенсивно работала как поэт, прозаик, преподаватель – сначала в Йельском, затем в Принстонском университете.

Нина Берберова, будучи в эмиграции, впервые приехала на родину в 1989 году; она не была здесь почти семьдесят лет. Она отказалась от посещения мемориальных мест, связанных с её молодостью. “Меня интересуют люди, а не кладбища”, – заявила она. После поездки по городу в автомобиле отметила: “Исчезла культура парадных подъездов”. Выступила в Доме писателей, побывала в гостях у Никиты Толстого, которого знала ещё маленьким мальчиком в эмигрантском Берлине и вернулась в Принстон. Ка-

кие мысли по поводу посещения Россия были в её голове на самом деле, никому доподлинно не известно. Настоящее возвращение Нины Берберовой в Россию состоялось позже, когда массовыми тиражами стали издавать её книги: “Чайковский”, “Неизвестная Берберова”, “Люди и ложи”, “Курсив мой”, “Железная женщина”. Их читают люди разных поколений, стало быть, Нина Берберова состоялась, как писатель.

«Русский язык для меня – всё. Я не знаю, может быть, мои интонации вам кажутся старомодными, может быть, моё словоупотребление удивит кое-кого в Москве, словарь, которым я думаю и которым говорю. Но должна сказать, что никогда не могла утратить полнейшей связи с русским языком, то есть я выросла в этот язык. Меня совершенно не привлекает писать стихи или прозу по-французски, по-английски. Зачем это?». (Из интервью с Берберовой).

– А что такое для вас советский читатель?

– Советский читатель? Видите ли, я по старой русской привычке всё-таки думаю о читателе литературы как об интеллигенте. Правда, мои книги – это не крестьянская литература, не рабочая литература, это всё интеллигентская литература. Но я вам скажу такую вещь: все, кого я здесь встречала, кто приехал сюда в последние пятнадцать лет, – это был великий сход, тут же и еврейство, армянство, много русских... И вот я не помню человека, который бы не сказал: «А я читал ваш “Курсив”. Все читали. Для меня это интеллигенция, советский читатель, который знает меня в России.

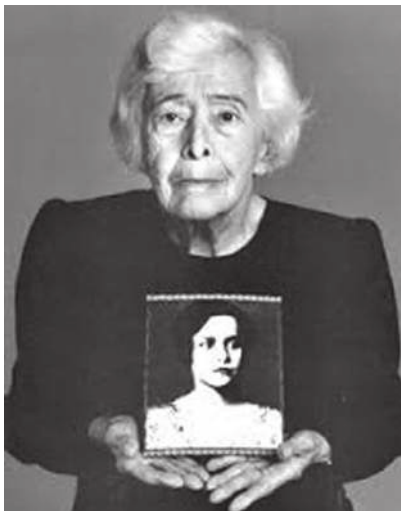
– А как вы относитесь к поэзии Гиппиус?

– Она была замечательным лирическим поэтом. Вообще русским читателям надо ещё многое вернуть. Надо бы издать антологию зарубежных русских поэтов, включая, естественно, и Дальний Восток – Харбин, Шанхай, там было два или три талантливых поэта, в Париже было человек пять. Я бы рекомендовала Смоленского, Георгия Иванова, Ладинского.

– Каковы ваши отношения с третьей эмиграцией?

– Я её недостаточно знаю, хотя лично знаю очень многих, но я их очень мало читала, потому что я уже до такой степени занята, что и на письмо трудно ответить, не то, что читать большие романы. Читала Войновича. Он такой милый сам, мне приятный как личность, я не хочу сказать о нём плохого слова, но его роман... этот последний “Москва 2042” о XXI веке я едва дочитала...

Прощаясь после долгого разговора, Нина Николаевна сказала с юмором, что её приезд в Россию – это всё равно что «Писемский

воскреснет!». Я ответил: “Быть может, не знаю...” И вспомнил четыре строки, написанные Берберовой давным-давно: «Я говорю: я не в изгнание, я не ищу земных путей. Я не в изгнание, я – в послание, легко мне жить среди людей». Возвращение к нам эмиграции – это послание нам же из нашего прошлого. Так примем с достоинством посланников. Не унижая и не унижаясь.

Август 1989 г.

P.S. 5 сентября 1989 года рейсом Эр-Франс из Парижа в Москву прилетела Нина Николаевна Берберова. Повторяю, она не была на родине шестьдесят семь лет». *(Из интервью Феликсу Медведеву).*

Всё выше сказанное и высказанное Ниной Николаевной достойный образец знания истоков русской литературы, культуры и истории отечества в лицах её творцов. Нам ещё предстоит многие годы узнавать её обширное литературное наследие. Оно представляет истинное сокровище о жизни и трудах выдающихся писателей, философов, деятелей культуры, просвещения государства Российского, оказавшихся не по своей воле в зарубежном изгнании, всецело преданных и верных своей Родине, его многострадальному Народу. Наш долг и святая обязанность перед своей совестью и желанием поделиться с окружающими добрыми людьми, кому дорога наша новейшая история.

Г. Орша, Беларусь. 26.08.18 г.